Уфимский государственный авиационный технический университет
Кафедра автоматизированных систем управления

О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ РАЗУМЕ

Научный консультант – профессор А.В. Лукьянов

Рассматривается проблема обоснования научной методологии из здравого смысла, среди установок которого выделяется познавательный здравый смысл как особого рода законодательство, определяющее применение теоретического разума. Уточняются представления познавательного здравого смысла, из которых выводится универсальный метод науки. Показывается, что данный метод находит непротиворечивый компромисс между теоретическим и практическим разумом, взаимодействующими между собой в процессе познания. Формулируются задачи дальнейших исследований.

Ключевые слова: здравый смысл, наука, практика, познание, цель, разум, метод, системный подход, скептицизм, компромисс.

The problem of justification of scientific methodology out of common sense is considered, of which one of the setups is cognitive common sense as a special kind of legislation governing the use of theoretical reason. The representation of cognitive common sense is clarified, out of which the universal method of science is derived. It is shown that this method is the consistent balance between theoretical and practical reason, interacting in the learning process. The goals of future research are formulated.

Key words: common sense, science, practice, knowledge, objective, reason, method, system approach, skepticism, compromise.

В наших работах, упоминаемых в данной статье, выводится и обосновывается универсальный метод науки, рассматриваемый как обобщение некоторых важнейших норм научного познания, обнаруживающих свою культурно-историческую инвариантность. Высокая степень общности этих норм позволяет считать указанный метод этическим принципом, применяемым в каждом исследовании и распространяемым в научной

среде неявным образом, через обучение на примере учителей и наставников¹. Но чем обусловлено всеобщее признание данного метода?

Наш ответ таков: его соответствием здравому смыслу человеческой природы, т.е. устойчивым интересом

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: ООО «АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ», 2006. – 873 с.; Ярцев Р.А. Научное исследование: от личностной максимы к универсальному методу // Гуманитарный вектор, 2013. – №2. – С. 98-103.

² Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. – СПб: «Алетейя», 2000. – 352 с.

ективным представлениям человека о том, что является непреложной истиной. Однако, в отличие от философов Шотландской школы², мы исходим из противоречивости данных представлений, выделяя среди них так называемый познавательный здравый смысл как особого рода законодательство, которым теоретический разум человека руководствуется в своей деятельности. Содержание этого законодательства мы и попытаемся теперь раскрыть.

С точки зрения интересов истины наша познавательная деятельность может считаться здоровой или разумной лишь при том непреложном условии, что в её основе лежат логические рассуждения, занимающие наше мышление в состоянии теоретического разума. И, в самом деле, у нас нет иной возможности избежать заблуждения, которое угрожает нам на пути к истине, кроме как через поиск разного рода обоснований, представляющих собой логический вывод из имеющихся фактов. Иными словами, познавательный здравый смысл как законодательство теоретического разума требует предъявления дискурсивных доказательств³.

Что же касается демонстративных доказательств, то каждое из них для теоретического разума является только элементом дискурсивного доказательства, обосновывающего некоторое положение об опыте. Поэтому даже эмпирическое познание носит в науке теоретический характер. Например, измерения только тогда могут считаться научными, когда их результат обосновывается точностью работы оборудования и

адекватностью снятия его показаний. Таким образом, научное познание всегда отвлекается от чувственного опыта, являясь в той или иной степени умозрительным.

Сказанное даёт нам право, соблюдая историческую преемственность, называть научное познание теоретической спекуляцией, а разум, который осуществляет эту деятельность по законам познавательного здравого смысла, – теоретическим или спекулятивным разумом. Правда, следует ещё преодолеть узкое понимание спекуляции как схоластического рассуждения о предметах за пределами опыта. Но здесь мы вдохновляемся примером И. Канта, который допускал плодотворную спекуляцию, устанавливающую связь с возможным опытом⁴, хотя данная связь и не полагается нами как необходимое условие ценности научного познания.

Однако принципы, которые И. Кант положил в основу теоретической спекуляции, вызывают ряд возражений, приводящих к иному пониманию деятельности спекулятивного разума. Во-первых, теоретическое познание, осуществляемое рассудком, не является абсолютно или аподиктически достоверным. Во-вторых, демаркация науки в системе И. Канта не соответствует традициям научного познания. Например, априорный подход к построению общенаучного теоретического базиса может быть успешно оспорен с позиций эмпирической индукции, а его использование превращает основания науки в догму, несовместимую с интересующими нас нормами научного по-

⁴ Там же. С. 767.

⁵ Швырев В.С. Кант и неопозитивистская доктрина научного знания // Философия Канта и современность. Под общ. ред. Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1974. – С. 436.

³ Кант И. Критика чистого разума // Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 614.

знания⁵. В целом же законодательство спекулятивного разума, на наш взгляд, остаётся у И. Канта нераскрытым, и пришло время обратиться к решению этой важной задачи.

Несложно убедиться в том, что спекулятивный разум обладает абсолютной свободой лишь тогда, когда ему предстоит выбрать объект и предмет исследования, в поисках которых он может блуждать бесконечно, перебирая всю предметную область нашего бытия. Если же имеется вопрос, ответ на который должно дать исследование, то творческая свобода разума ограничивается даже на этапе выдвижения гипотез об объекте, поскольку требуется их прямое отношение к заданному вопросу и искомому ответу. Таким образом, постановка вопроса или проблемы в начале исследования важна тем, что перед спекулятивным разумом ставится цель – приобретение нового знания как ответа на исследуемый вопрос.

Всякая когнитивная цель изначально есть только неопределённая идея того знания, к которому мы стремимся. Для теоретического разума она выступает в роли одного из основных внеисторических законов, образующих всеобщее законодательство научного познания. Ведь в науке никогда нельзя получить готовое знание раньше, чем будет обоснована его достоверность, а обосновывать что-то мы можем, лишь обладая некоторыми исходными идеями. Когда же П. Фейерабенд пытается спорить с тем, что всякое исследование начинается с проблемы, задающей познавательную цель⁶, он сперва подменяет понятия цели и результата познания,

а затем использует в качестве «опровергающего» аргумента тот факт, что результату научного познания всегда предшествуют действия, направленные на его получение⁷.

Отметим, что выбор цели при этом рассматривается не как действие закона природы, детерминируемое выполнением объективных условий, а как проявление закона свободы, зависящее от воли человека. Поэтому закон цели, как и все законы свободы, может быть нарушен человеком, и тогда научный характер познания утрачивается. Например, знание, получаемое нами в обыденной жизни, часто не вызывает сомнений и порождаемых ими вопросов. При этом оно не является научным, хотя и обладает для нас ценностью абсолютной истины. Чтобы оспорить его значение в качестве такой истины, необходимо поднять данный вопрос, т.е. встать на путь научного познания. Отсюда ясно, что закон цели служит необходимым условием демаркации научного знания.

Различие между научным и ненаучным познанием, обусловленное действием закона цели, заключается в активности спекулятивного разума, который стремится к овладению истиной через познавательные действия, тогда как ненаучный способ познания допускает пассивное приобретение готовых знаний, основанное исключительно на вере. Если бы спекулятивный разум был также уверен в полноте и достоверности найденного ответа на вопрос, то последний был бы для него закрыт. Поэтому абсолютная истина и является

⁶ Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. – М.: ООО «АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ», 2007. – С. 45.

⁷ Ярцев Р.А. О некоторых возражениях против научной рациональности // Управление в сложных системах. Межвузовский научный сборник. – Уфа: УГАТУ, 2011. – С. 164.

конечной целью научного познания в любой области.

Закон цели и требование абсолютного знания объясняют, почему в науке нас всегда интересует исчерпывающий ответ на вопрос, но ничего не говорят о возможности получения такого ответа. Если же принять за факт ограниченность природных способностей человека, в чем практический разум не позволяет всерьёз сомневаться, то становится ясно, что мы не можем овладеть научной истиной сразу во всей её полноте. Поэтому нам приходится направлять внимание на части познаваемого объекта или другие связанные с ним объекты, конструируемые нами на основе опыта.

Эти новые объекты нашего внимания порождают у нас и новые вопросы, т.е. происходит замещение общей когнитивной проблемы множеством выводимых из неё частных проблем. Следовательно, познание объекта как целого осуществляется через познание его отдельных частей, для чего требуется не только переход от исходной познавательной цели к её подцелям, но и обратный переход от найденных частных знаний к общему знанию об объекте, отвечающему на исследуемый вопрос. Этот очередной закон спекулятивного разума объясняет, почему основу любого научного исследования составляет системный подход, в котором анализ проблемы или применение к цели познания принципа множественности необходимо влечёт за собой синтез как приложение принципа единства знаний.

Однако чтобы желание спекулятивного разума завладеть абсолютной истиной было удовлетворено, он должен задать бесконечное чис-

ло как уточняющих друг друга, так и альтернативных вопросов, вследствие чего системный подход следует применять бесчисленное множество раз. Даже такой, казалось бы, простой вопрос как «который час?» при идеальной спекуляции порождает бесконечную череду вопросов о единицах времени, часовых поясах, точности ответа и т.п. Поэтому следствием неустранимого противоречия между стремлением спекулятивного разума к абсолютной истине и его ограниченными возможностями является не только необходимость, но и конечность применения системного подхода, что означает также недостижимость конечной цели познания в любом исследовании.

Однако научное исследование всё же обретает относительную законченность, когда очередное применение системного подхода сопровождается возникающей у нас уверенностью в том, что новое структурированное знание полностью «закрывает» исходный вопрос. Думается, что чувство веры в безусловную истинность результата зависит у нас от органических и психологических причин. Под первыми понимаются различные природные предпосылки, влияющие на нашу способность к познанию: например, испытывая усталость, мы склонны принимать решения без «лишних» вопросов. Во втором случае речь идёт о явном и неявном знании, полученном нами ранее: даже когда такое знание приобретено научным путём, оно закрепляется в памяти на основе веры и становится для нас также безусловным знанием, пригодным для практического применения.

Психологические установки, бла-

годаря которым у нас появляется уверенность в ответе на вопрос, условно можно разделить на когнитивные и прагматические. Первые из них представляют собой знание, в истинность которого мы верим столь твердо, что чаще всего нас не посещает даже сама мысль подвергнуть его сомнению: обычно такое знание является интересубъективным и служит в качестве базиса при проведении исследований. Поэтому когда некоторые гипотезы согласуются с подобными установками, внутренне нам легко их принять.

Если же гипотезы противоречат нашим когнитивным установкам, то мы сразу настраиваемся против них, не утруждая себя поисками обоснования. Впрочем, часто последнее даже существует: так, на опыте может быть хорошо известно, что Солнце обращается вокруг Земли по небесной сфере, а через точку пространства нельзя провести более одной параллельной прямой. Поэтому если кто-то впервые берётся утверждать противоположное, он должен считаться с агрессивным сопротивлением многочисленных оппонентов, преодолеть которое можно только путём предъявления других, более глубоких доказательств, столь же убедительных для практического здравого смысла. Отсюда также ясно, что никакие наши убеждения не являются абсолютным знанием и могут рушиться под напором доказательств, предъявляемых спекулятивным разумом.

Когнитивные установки, таким образом, выступают как ограничения или дополнительные условия, конкретизирующие ответ на исследуемый вопрос. Например, если нас спросили «который час?», то мы бы-

стро сворачиваем спекулятивное исследование, по умолчанию понимая, что спрашивающего интересует местное время с точностью до минут, известное по показаниям наших часов, и на основе этого неявного знания переходим к стандартной программе действий в такой ситуации. Иными словами, спекулятивное познание ограничивается установками практического разума, которые касаются изучаемого вопроса и выступают для проводимого исследования в качестве базисных положений. Если бы спекулятивному разуму была предоставлена свобода действий, то он бы продолжал исследование, проверяя истинность каждого положения в зависимости от всех прочих условий. Однако практический разум лишает его такой возможности, превращая бесконечное спекулятивное познание в конечный процесс.

Особо можно выделить часть когнитивных установок, определяющих ценностные ориентиры человека: это прагматические установки. Они тоже ограничивают спекулятивное познание, но, как правило, ещё тогда, когда исследование не начато. В этом случае мы отмечаем не варианты ответа, которые противоречат нашим убеждениям, а сам вопрос, поскольку он не вписывается в нашу систему ценностей.

Таким образом, установки любого вида обеспечивают соразмерность познания нашим силам, прерывая «дурную бесконечность» спекуляции так, как это необходимо для практического разума. Однако неполнота спекуляции означает, что приобретаемое при этом научное знание также не является полным и безусловным, следовательно, наше

практическое убеждение в его абсолютной истинности необоснованно. Так мы приходим к необходимости релятивизма и скептицизма в научном познании: первый рассматривает всякое знание как зависящее от некоторых базисных условий, а второй подчиняет веру в истинность знания безусловному сомнению. Ненаучное же познание не нуждается в спекуляции и обычно связано с догматическим отношением к знанию, сомнение в котором либо вообще не возникает, либо полностью преодолевается верой, оказываясь, таким образом, всецело подчинённым ей.

Следовательно, научное и ненаучное знание различаются не верой в истину, характерной для любого знания, и даже не содержанием, которое в обоих случаях может быть одним и тем же, а, главным образом, соотношением веры и сомнения в познании, определяемым принципами разумной деятельности. Так, для спекулятивного разума подчинённость веры сомнению означает, что всякое знание представляет собой относительную истину, которая является лишь промежуточным этапом на пути к абсолютному знанию: это неполное и условное знание, учитывающее возможность ошибки. Для практического же разума приоритет веры над сомнением ведёт к превращению знания в истину абсолютную, на которую мы опираемся в практических действиях. Ведь ни одно целенаправленное действие не может быть совершено без внутренней уверенности в неявном личностном знании, полнота которого достаточна для получения желаемого результата.

Ни спекулятивный, ни практический разум не готовы верить во всё,

что угодно, хотя каждый из них действует в соответствии со своими установками, ограничивающими свободу познания. Поскольку спекулятивный разум при определённых условиях согласен принять за истину любое положение, то установки, составляющие познавательный здравый смысл, относятся только к методологии познания, т.е. имеют чисто когнитивный характер. Иное дело практический разум, для которого важно не только обоснование знаний, но также их соответствие уже имеющемуся знанию и, в первую очередь, когнитивно-прагматическим установкам практического здравого смысла. При расхождении нового знания с этими установками возникает проблема, для решения которой необходимо либо искать аргументы, устраняющие противоречие спекулятивным путём, либо опираться на авторитетное мнение, что также есть установка практического здравого смысла, которая не имеет, правда, абсолютного значения для спекулятивного разума, готового оспорить любое авторитетное мнение⁸.

При этом будет ошибкой считать, что практический разум обладает какой-либо оригинальной методологией познания, отличной от методологии спекулятивного разума: ведь их интерес, состоящий в получении достоверной истины, по существу одинаков. Однако ежедневно человеку приходится решать множество познавательных задач. Поэтому практический разум вынужден ограничивать извне деятельность спекулятивного разума, прекращая решение одних задач и инициализируя другие: также

⁸ Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ермак», 2004. – С. 48.

действует любой начальник, координирующий действия подчинённого. Вера же при этом играет роль механизма, ограничивающего то всеобъемлющее сомнение, в котором пребывает спекулятивный разум, и те бесконечные поиски истины, которыми он занят. Таким образом, практический разум в своих отношениях со спекулятивным, действительно, обладает первенством⁹.

Очевидно, что спекулятивный разум каким-то образом должен приходить к вере в истинность своих положений, понимая их именно как относительную, но не абсолютную истину. Поэтому на пути к конечной цели познания ему необходимо руководствоваться законодательством, которое не исчерпывается применением системного подхода – ведь системный характер может иметь и чуждое науке догматическое познание. Спекулятивный разум должен быть уверен в том, что соблюдение данного законодательства в конечном итоге ведёт к достижению абсолютного знания, а нарушение чревато опасностью сбиться с пути. Следовательно, методология спекулятивного разума должна исключать возможность заблуждения.

Эти два основных атрибута спекулятивного разума – невозможность овладеть истиной сразу и стремление избежать заблуждения – на наш взгляд, обуславливают содержание применяемой им методологии, выступающей в качестве универсального научного метода. Действительно, так как у спекулятивного разума ещё нет ответа на вопрос, он начинает решать проблему с выдвижения гипо-

тез, пытающихся так или иначе предвосхитить результат исследования. А поскольку разум при этом стремится ещё и не впасть в заблуждение, то для синтеза искомого ответа он отбирает только обоснованные гипотезы, прошедшие проверку на достоверность через поиск подтверждений и опровержений. Таким образом, спекулятивный разум ищет истину не только дискурсивным, но также интуитивным путём, хотя все принимаемые им доказательства строго дискурсивны.

Очевидно, что когда мы не считаемся с возможным заблуждением, мы не осознаём познавательной проблемы и не ищем доказательств, исключаящих ошибку. Это позволяет обойтись без спекулятивных рассуждений, поскольку истину мы получаем в готовом виде при помощи одной только веры, лишённой проверки сомнением. Но полностью игнорировать возможность заблуждения практический здравый смысл позволяет нам только в раннем детстве, когда авторитет окружающих для нас запредельно велик.

Тем не менее с практической точки зрения бесконечные рассуждения, в необходимости которых так уверен познавательный здравый смысл, выглядят либо пустой тратой времени, либо непозволительной роскошью. Поэтому практический разум так или иначе преодолевает свои сомнения, сворачивая со спекулятивного пути познания на догматический путь: тем самым практическое познание направляется по среднему, критическому пути, на котором высшая или теоретическая познавательная способность ограничивается низшей способностью догматического позна-

⁹ Кант И. Критика практического разума // Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 4, ч. I. – С. 454.

ния.

Познавательный же здравый смысл требует бескомпромиссной борьбы с заблуждением, которую пытается вести теоретический разум. Поэтому применяемый последним универсальный метод необходимо предполагает также решение вопроса о том, в чём именно состоит заблуждение, являющееся противоположностью истины. Отсюда следует, что при выдвижении любой гипотезы, так или иначе отвечающей на вопрос исследования, обязательно требуется рассматривать и другое предположение, противоположное ей по смыслу.

Далее, преодолеть заблуждение возможно лишь тогда, когда будет опровергнут его взгляд на истину. А поскольку заранее неизвестно, какая из гипотез каждой пары окажется истинной, то во время проверки гипотез мы не должны действовать предвзято, т.е. придавать неодинаковое значение всем тем подтверждениям и опровержениям, которые только могут быть получены нами путём вывода из базисных положений, принимаемых без доказательства. При этом все подтверждения и опровержения, как и обосновываемые с их помощью гипотезы, обнаруживают между собой своеобразную симметрию: ведь доказательство любой гипотезы опровергает противоположную гипотезу, а найденное опровержение – подтверждает её. Данная симметричность демонстрирует не только принципиальную роль беспристрастия в научной этике, но и ограниченность фальсификационизма, асимметричный характер которого не позволяет считать процедуру фальсификации более чем частью универсального метода науки.

После того, как были получены все подтверждения и опровержения, которые только удалось построить на имеющемся базисе, необходимо, очевидно, произвести их сравнительный анализ для каждой из проверяемых гипотез. Такой анализ по существу представляет собой спор между предположениями и опровержениями с целью разрешить противоречие между ними, потому что и те, и другие, согласно установкам познавательного здравого смысла, не могут быть приняты одновременно. Разумеется, этот спор может быть разрешён только логическим путём, требующим проверки на истинность всей имеющейся аргументации и поиска для каждого из аргументов новых подтверждений и опровержений.

В результате анализа для каждой из гипотез возможны три варианта: а) аргументы подтверждения побеждают аргументацию опровержения и гипотеза принимается в качестве истины; б) побеждают аргументы опровержения и гипотеза считается ложным высказыванием; в) ни тем, ни другим аргументам не удаётся взять верх и гипотеза остаётся положением, истинность которого не определена. Отсюда ясно, что, во-первых, логика поиска научной истины нарушает закон «исключённого третьего», являясь нечёткой, и, во-вторых, закон противоречия в ней, однако, соблюдается неукоснительно. Отметим также, что вариант б) не менее ценен для научного познания, чем вариант а), поскольку в качестве истины мы будем иметь противоположную гипотезу, которую можно использовать для ответа на вопрос. Иначе обстоит дело в случае в), когда исследование не позволяет получить определённый

ответ и должно быть продолжено.

Итак, ответ на вопрос научного исследования может быть получен только через обоснование всех принимаемых гипотез путём сопоставления найденных подтверждений и опровержений. Остаётся только подвергнуть полученный ответ сомнению, осознав возможность ошибки в логических рассуждениях, неполноту перебора гипотез и их обоснований, а также открытый вопрос об истинности базисных положений. Другими словами, хотя в результате применения универсального метода науки мы и узнаём нечто новое, нам необходимо оставаться скромными как в притязаниях на истину, так и в неприятии заблуждения – ведь спекулятивный разум понимает, что, подчиняясь установкам практического здравого смысла, он лишь временно прекращает движение по пути к абсолютной истине.

Мы видим, что универсальный метод научного познания не позволяет спекулятивному разуму достичь конечной цели, а лишь даёт возможность добиваться её в соответствии с требованиями практического здравого смысла. Иными словами, указанный метод реализует непротиворечивый компромисс между двумя видами здравого смысла, благодаря чему мы можем получать истину, пригодную как для науки, так и для практики: в первом применении она относительна, а во втором – абсолютна. Для спекулятивного разума данный метод является также законом достаточного основания, действие которого, однако, всецело подчинено скептицизму.

Рассмотренная выше программа действий спекулятивного разума, со-

ставляющая содержание универсального научного метода, была описана нами в виде процедуры из четырех этапов: постановки вопроса или проблемы; генерации гипотез; их проверки на обоснованность и получения ответа как нового знания; постановки ответа под вопрос, т.е. осознания его как относительной истины¹⁰. Универсальный характер такой процедуры может быть обоснован, например, её соответствием общему порядку судопроизводства. Так, независимый суд, заслушав показания сторон и исследовав все доказательства, в соответствии с законом выносит справедливое и беспристрастное решение, которое со временем, однако, может быть пересмотрено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств¹¹.

Осталось рассмотреть следующий вопрос: почему спекулятивный разум применяет рассмотренный метод, хотя не может дать ему исчерпывающего обоснования? На наш взгляд, здесь необходимо различать два аспекта отношений между спекулятивным разумом и его методом: когнитивный и практический. В первом из них универсальный метод сам является объектом познания, исследуя который, спекулятивный разум, действительно, не может прийти к абсолютной истине: поэтому он всегда должен допускать применение альтернативных методов познания.

Практический же аспект состоит в том, что спекулятивный разум вынужден опираться на универсальный метод как на догматический принцип, иначе он не сможет осущест-

¹⁰ Ярцев Р. А. О научном и ненаучном познании // Вестник ЯГУ, 2010. – №2. – С. 161–166.

¹¹ Ярцев Р.А. Научное исследование: «суд разума» или «эволюционный отбор»? // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. – №4(51). – С. 153–158.

влять исследование. Иными словами, теоретическую спекуляцию допустимо рассматривать как разновидность практической деятельности, управляемой практическим разумом. Поэтому для дальнейшего изучения и обоснования научной рациональности необходимо исследовать работу практического разума, выяснив принципы его здравого смысла, а также уточнить соотношение между двумя видами разума: таковы новые, перспективные задачи данного направления.

В заключение приведём следующие выводы:

1. Научное познание отвлекается от чувственного опыта, являясь, прежде всего, теоретической спекуляцией, осуществляемой теоретическим (спекулятивным) разумом по законам познавательного здравого смысла.

2. Научное исследование начинается с постановки вопроса или проблемы, когда перед теоретическим разумом ставится цель – приобретение нового знания как ответа на исследуемый вопрос. Данная цель есть неопределённая идея абсолютного знания, которое является конечной целью познания. Закон цели необходим также для демаркации научного знания.

3. Ограниченность природных способностей человека приводит к тому, что познание объекта осуществляется через познание его отдельных частей: этот закон спекулятивного разума объясняет, почему в основе

любого научного исследования лежит системный подход. Другим следствием является необходимость релятивизма и скептицизма в науке, поскольку ни одно исследование не в состоянии достичь конечной цели познания.

4. Спекулятивное познание, которое требует бесконечного поиска и обоснования истины, ограничивается когнитивными и прагматическими установками практического разума, выступающими в качестве базисных положений исследования. При этом научное и ненаучное знание различаются методологией получения и, прежде всего, соотношением веры и сомнения в познании: для спекулятивного разума вера подчинена сомнению и знание является относительной истиной, а для практического разума приоритет веры над сомнением превращает знание в истину абсолютную.

5. Универсальный научный метод выводится из таких установок познавательного здравого смысла, как невозможность овладеть истиной сразу и стремление избежать заблуждения, выступая в качестве законодательства теоретического разума. Кроме того, он реализует непротиворечивый компромисс между познавательным и практическим здравым смыслом, благодаря чему мы можем получать обоснованную истину, одинаково пригодную как для применения на практике, так и для научных исследований.